

УДК 821.161.1-7.09:7

О.Д. КРАСНОБАЕВА,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки
(г. Луцк)*

ТЕМА ИСКУССТВА В САТИРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. АВЕРЧЕНКО

Исследуются художественные и конструктивные приемы организации сатирического прозаического текста Аркадия Аверченко. Анализируются его индивидуальные представления об искусстве как житнетворчестве, определяются пути и способы их выражения в аверченковской сатире, выявляется новаторство и специфика образного воплощения житнетворческого искусства в разножанровом наследии русского писателя-эмигранта.

Ключевые слова: конструкт, сатира, искусство, прозаический текст, житнетворческий, интерпретация, новаторство, принципы.

Скудными на сегодняшний день являются теоретико-литературные источники по изучению аверченковского творчества. Первые работы, посвященные журналу «Сатирикон» и его редактору Аркадию Аверченко, появились только в середине 60-х годов XX в. Это прежде всего труды Л. Евстигнеевой [9], О. Михайлова [11]. Только в 1999 г. у нас впервые появилась возможность познакомиться с единственным монографическим исследованием жизни и деятельности Аркадия Аверченко – монографией Д. А. Левицкого [10]. Эти немногочисленные работы содержат скудные сведения литературоведческого характера, касающиеся жизненного пути, творческой и мировоззренческой эволюции русского писателя-эмигранта. Некоторые аспекты аверченковской сатиры стали также объектом исследования более современных литературоведов – С. Зинина [10], А. Долгова [9], Э. Сейтаблаевой [58] и др.

Целостный анализ многожанрового творческого наследия Аверченко, проблемы искусства в нем позволяет воспроизвести прежде всего содержательную картину мира художника, имеющую ряд отличительных черт, которые до настоящего времени подробно не исследовались, что и обуславливает актуальность заявленной темы нашей статьи. Кроме того, целостный литературоведческий анализ его произведений внесет вклад в изучение литературных и поэтико-стилевых процессов, происходивших в русской прозе начала XX в.

Цель статьи заключается в определении жанрово-композиционной парадигмы сатиры Аверченко, выявлении художественных и конструктивных приемов организации текста писателя, посвященного теме искусства, определяющего индивидуальную творческую манеру русского художника-эмигранта.

Научная новизна студии заключается в том, что в ней использованы литературные и околосатирические материалы из архива писателя; исследованы художественные принципы изображения темы искусства, раскрыта поэтико-стилевая доминанта малой эпической прозы художника.

Сатира всегда была важной составной частью литературы, но в XX в. она начинает играть особую роль. Известный чешский сатирик XX в. Карел Чапек точно определил задачи этого направления в современности: «Сатира – худшее, что человек может сказать лю-

дям, но это не означает, что писатель обвиняет их, а он только делает выводы из актуальной действительности и мышления» [17, с. 109].

Аверченко не был политическим сатириком. Но среди его произведений встречаются талантливые, острые общественно-социальные произведения, где зло высмеиваются страхи обывателя, взяточничество чиновников, эпидемия шпиономании, литературная бездарность и ее дешевые штампы. Мишенью для его сатиры становится и все уродливое, антиэстетическое, «больное» в искусстве.

Выдавая вымышленный мир за фрагмент реального, автор должен скрывать свое существование – «противное приведет к разрушению иллюзии реальности» [15, с. 201]. Аверченко становится бесстрастным хроникером. Основная особенность этой манеры ведения дискурса в сатирическом произведении заключается в том, что автор, являясь полновластным хозяином текста и имея возможность максимально полно и объективно раскрыть характер своего героя, сосредоточивает внимание на какой-либо одной черте характера, гиперболизирует ее, а из фактов внешнего мира сообщает лишь те, которые имеют существенное значение для последующего разоблачения. Аверченко создает обобщенные комические типы. Перед читателем проходят персонажи, демонстрирующие какой-либо из общечеловеческих пороков: глупость, жадность, подлость, моральную нечистоплотность, ложь.

Еще недавно советские критики писали, что «творчество Аверченко этих лет свидетельствует о печальном вырождении его таланта» [11, с. 151]. Мы же считаем, что к таланту писателя-сатирика это суждение никакого отношения не имеет. Наоборот, в разножанровых произведениях – рассказах, фельетонах, книгах, созданных уже после октябрьских событий, мы встречаемся с Аверченко, полным новых сил, энергии, по-прежнему ярко талантливым. Этого же мнения придерживается и С. Никоненко: «Как это ни парадоксально, но именно неприятие революции и эмигрантское бытие разбудили его фантазию, придали его перу еще большую виртуозность» [14, с. 257].

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы включить некоторые разножанровые сатирические рассказы Аверченко («Русалка», «Голодный пикник», «Собачьи мемуары» и др.) в контекст жизнетворческих исканий, предпринятых литературно-художественным сознанием сложной эпохи начала XX в., выявить связывающие их типологические признаки, раскрыть индивидуальные представления писателя *об искусстве как жизнетворчестве* и показать пути и способы их выражения в указанных произведениях, выявить новаторство и специфику образного воплощения жизнетворческого искусства в сатире А. Аверченко.

Сама идея создания искусства как действенного способа преобразования жизни не нова в русской литературе. В начале XX в. многие писатели и деятели культуры, не отказываясь от объективной потребности связать искусство с действительностью, предложили свои пути к осуществлению этой цели. Приверженцы «художественного идеализма» и свободной эстетики – символисты писали в своих статьях о новом поэтическом миропонимании, задачей которого было создание новых форм искусства, способных творчески соединить разобщенные временем духовные устремления личности и ее земное бытие. Объектом их творчества был прежде всего человек, которого с помощью искусства должно было превратить из раба жизни в ее творца по образу и подобию Бога. Путь духовного совершенствования от человека к Богу предлагал Д. Мережковский и настаивал на создании «религиозной общности».

Другую позицию, выразившуюся в стремлении сделать искусство средством прямого, практического действия в условиях радикально меняющейся жизни, подвергнув критике идеально-духовную форму миропонимания, заняли поэты-авангардисты, В. Маяковский, прозаик и драматург М. Горький [5–8]. Художники призывали начать борьбу с уродливыми формами бытия, «всяким вздором», чтобы «вычистить» из жизни страдания и сор, высвободить в людях энергию созидания, необходимую для радикальной переделки действительности.

Революционные процессы, материально-практические требования эпохи подтолкнули писателей к поиску художественных принципов выражения нового типа деятельного, «созидательного» мироотношения. А. Аверченко под влиянием прагматических требова-

ний эпохи, а также идей М. Горького, призывавшего художников-практиков совершенствовать искусство, утверждающего «победу разума», в конце 20-х годов XX в. пересматривает свою писательскую позицию. Художник-наблюдатель уступает место художнику-практику, который, творя в русле прагматических идей в искусстве, стремится внести свой вклад в создание лучшей жизни.

Таким образом, предметом нашего исследования стала *концепция жизнетворческого искусства*, которая оформилась у А. Аверченко в 20–30-е годы XX ст. в ряде сатирических рассказов. В них, с одной стороны, отражается общая для художественного сознания первой трети XX в., ориентированного на практическое жизнетворчество, устремленность к радикальному преобразению действительности; с другой – в произведениях художник поставил задачу установить прямой разговор с читателем, чтобы донести до его сознания идеи здоровой жизни, самосозидания, творчества собственной личности. Чтобы верифицировать в опыте идеи здоровой жизни, писатель пошел на эксперимент с самим собой, ход и результаты которого воплотились в рассказах «Русалка», «Голодный пикник», «Собачьи мемуары», обусловив своеобразие их жанровых модификаций и вместе с тем органичность материально-практическим требованиям эпохи.

В малой эпической прозе художника отразилась его единая концепция художника как активного участника преобразовательской практики жизни, творца не только произведений искусства, но и самого себя. Аверченковские сатирические рассказы представляют собой различные подступы к решению проблемы совершенствования характера человека, поиску путей самосозидания, которое, как мы увидим далее, является «отправной точкой» концепции жизнетворческого искусства А. Аверченко, что свидетельствует о творческом освоении писателем традиций Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Белого, считавших идею творчества «в себе самом» первостепенной.

Разработка принципов жизнетворческого искусства в художественном сознании в целом служила цели, которую ставили перед собой писатели, ориентированные на поиск связей с мирозданием, на познание действительности и осознание своего предназначения в искусстве и общем движении бытия. Эта цель – общение с жизнью, представленной как она есть, уход от литературных условностей в контексте формирующейся тенденции искусства к исканию способов, с помощью которых оно включается в жизнь и творит ее. Сатирические рассказы Аверченко отразили основные тенденции эпохи и художественные принципы, получившие развитие в литературе первой трети XX в. В его сатирических произведениях своеобразно преломилась концепция художника – «практика жизни» и принцип следования «правде жизни». Аверченко выступает поборником не просто талантливого, но и жизненного, реалистического искусства.

Мы исследовали, что, исходя из здравого смысла, в некоторых рассказах писатель высмеивает оторванный от жизни романтизм («Русалка»). Важнейшей фигурой в этом произведении является рассказчик, сама речь которого, косноязычная, переполненная уличным жаргоном и грамматическими нелепостями, разоблачает и его самого и тех, о ком он рассказывает. Юмор Аверченко заключал, однако, в своей глубине сострадание к так называемому «маленькому человеку», растерявшемуся в годы великой ломки социальных и человеческих отношений. Этой внутренней боли обычно у писателя не видели, отдавая должную восхищенную дань блеску юмористических ситуаций, выразительности речевых характеристик, словом, в основном юмору положений.

Сатирические произведения, созданные писателем в 20-е годы XX в. («Голодный пикник», «Собачьи мемуары» и др.), были основаны на конкретных и весьма злободневных фактах, почерпнутых либо из непосредственных наблюдений, либо из многочисленных читательских писем. Тематика их пестра и разнообразна: плесень мещанства и обывательщины, спесивое помпадурство и стелющееся лакейство и многое, многое другое. Часто рассказ строится в форме непринужденной беседы с читателем, а порою, когда недостатки приобретали особенно вопиющий характер, в голосе автора звучали откровенно публицистические ноты.

В ходе написания статьи мы убедились, что Аверченко обогатил сатирическую прозу яркими образами и мотивами, отображающими жизнь России в эпоху трех революций. Ху-

дожественный мир писателя вбирает в себя тематическое разнообразие сатирических типов, поражает обилием специфических приемов создания комического. Творческая установка Аверченко заключалась в выявлении и осмеянии общественных пороков, дифференциации подлинной культуры и разного рода подделок под нее.

Аверченко, будучи признанным мастером короткого юмористического рассказа, ищет новые поэтико-стилевые возможности этого жанра. Именно этим обстоятельством, как нам представляется, можно объяснить его многократное обращение к типологии рассказа-анекдота и рассказа-фельетона, то есть произведениям, созданным «на стыке» двух жанров. Это, несомненно, накладывает ряд особенностей на поэтику этих жанровых модификаций.

Традиционно рассказ-анекдот считается ведущей жанровой разновидностью в сатирической новеллистике Аверченко. Для него характерны небольшой объем произведения, динамичное развитие действия, отсутствие лирических отступлений, подробного авторского комментария, то есть всего того, что может замедлять ход повествования. При этом особую роль играет архитектура анекдота, построенная на эффекте неожиданности. Сущность этого жанра сводится к неожиданному финалу, который мгновенно должен разрушить определенную систему логических связей, заложенную с начала повествования, и столкнуть читателя с абсолютно иной системой. Это создает некую парадоксальную ситуацию, которая и призвана вызвать основной заряд читательского смеха. Подобная финальная ситуация может быть вызвана либо случайно брошенной фразой («Фат», «Коса на камень», «Голодный пикник»), либо каким-то непредсказуемым действием героя произведения («Лакмусовая бумажка», «Собачья мемуары», «В ресторане»). Сюжет в подобных рассказах, как правило, развивается последовательно и вместе с тем *динамично*. И только неожиданный его поворот в финале произведения заставляет читателя по-новому оценить ситуацию и героев.

Мы исследовали, что в «Собачьих мемуарах» [3] Аверченко прибегает к важной гоголевской традиции говорящей, пишущей собаки: здесь, как и в одной из глав повести «Записки сумасшедшего», человек показан с «собачьей» точки зрения. При этом сатирика занимает не столько мотив очеловечивания животного, сколько процесс превращения человека в животное, низведения человеческой жизни до уровня собачьего существования. Все произведение выстроено на совмещении прямого и переносного значений выражений, связанных с понятием «собака»: собачья жизнь – 1) жизнь собаки и 2) плохая, трудная, тяжелая жизнь. С эпитетом «собачий», отражающим социальный опыт носителей языка, имеющим системный характер употребления, воспроизводимым и анонимным, связаны авторские индивидуальные языковые конструкции. Имеется в виду выражение «собачий язык» – так Аверченко характеризует «новоязовские» образования типа «главкаварм» (главнокомандующий кавказской армией) – и фраза «писатель Горький стоит перед советской властью на задних лапках» [3, с. 119], содержащая ту же сниженную, уничижительную, неодобрительную оценку, что и эпитет «собачий».

Исследуя другую группу сатирических рассказов на бытовую тему, мы определили, что Аверченко строит их сюжет на художественном приеме градации, предполагающей постепенное усиление комического эффекта по нарастающей к финалу произведения. В таких рассказах «основным приемом комического становится гиперболизация» [13, с. 12]. Характерными примерами подобного построения рассказов-анекдотов могут послужить «Нюночка», «Неизлечимые», «Аполлон», «Разговоры в гостиной» [3] и др.

Мы пришли к выводу, что для этой категории аверченковских произведений характерно многократное обыгрывание одного и того же эпизода (с небольшими вариациями) в пределах одного произведения. Причем повторяемость на каждом новом витке сюжета только *усиливает комический эффект* произведения, доводя ситуацию до абсурда.

Иногда Аверченко строит короткий рассказ-анекдот не посреди нанизывания повторяющихся эпизодов к финалу, доводя узнаваемую ситуацию до предельной нелепости, а обращается к кольцевой композиции, которая призвана создать иллюзию жизненности, правдивости описываемого нелепого, фантастического случая («Рыцарь индустрии») или же создать мощный комический эффект за счет несовпадения намерений и действий ге-

роя (это противоречие особенно остро и подчеркивает кольцевая композиция такого, например, рассказа, как «Материнство»).

Аверченковские рассказы-анекдоты актуальны и в наше время, что объясняется обращением к «вечной» теме человеческих взаимоотношений, жанровыми модификациями комического и неумной творческой фантазией русского «короля смеха».

В ходе исследования данного подраздела дипломной работы мы подытожили, что и рассказы-фельетоны помогали Аверченко в освещении и последующем высмеивании нелепых сторон русской жизни. Эпиграфы из газетной хроники, предваряющие эти произведения, как правило, указывали на их прямую связь с реальной жизнью. Но Аверченко – великий фантазер. Отталкиваясь от конкретного случая, он сам развивает дальше ситуацию, зачастую доводя ее до предельного комизма. Цель – та же, что и в рассказах-анекдотах – рассмешить любого, пусть самого взыскательного читателя.

Нам удалось отметить и некоторые дифференциальные различия между ведущими жанровыми модификациями аверченковской бытовой сатиры. Если рассказы-анекдоты, как правило, основывались на вымышленных сюжетах и были призваны, прежде всего, развеселить читателя, то в основе другой группы произведений – рассказов-фельетонов – лежали реальные события, которые имели место в жизни, и с помощью таких рассказов Аверченко бичевал пороки общества. Иными словами, рассказ-фельетон претендовал на иллюзию правдивости и был призван указать читателю на те или иные абсурдные стороны реальной жизни, а ирония и сатирическое обличение были главными стилиевыми средствами создания комического эффекта. Многообразие приемов комического позволило Аверченко не только создать свой уникальный стиль, но искусно переплести в пределах одного произведения комическое и трагическое, комическое и лирическое.

В ходе исследования жанрово-композиционной парадигмы сатиры Аверченко мы пришли к следующим выводам. Жанровое разнообразие делает малую эпическую прозу А. Аверченко яркой, необычной. Это предполагает обращение к различным типам повествования. Будучи признанным мастером короткого юмористического рассказа, писатель ищет новые возможности этого жанра. Именно этим обстоятельством, как нам представляется, можно объяснить его многократное обращение к рассказу-анекдоту и рассказу-фельетону, то есть рассказам, созданным «на стыке» двух жанров. Это, несомненно, накладывает ряд особенностей на поэтико-стилевую доминанту этих жанровых разновидностей.

В цикле сатирических рассказов Аверченко зло высмеивал цинично-расчетливых или сентиментально-задумчивых добытчиков индивидуального счастья, интеллигентных подлецов и хамов, показывал в истинном свете пошлых и никчемных людей, готовых на пути к устройению личного благополучия растоптать все подлинно человеческое и совершенно не стремящихся к высокому облагораживанию искусством.

Аверченковский смех достигает звенящей сатирической силы и едкости, когда писатель обращается к упадническим течениям современных ему жанров искусства – литературы или живописи. Многие художники, писатели «Сатирикона», повторяли аверченковские темы. Болезненно повышенная чувствительность и эротомания в произведениях некоторых символистов находят на страницах аверченковского «Сатирикона» неприятный, но едкий отклик. «Сатириконовцам» был не нужен сколько-нибудь обстоятельный анализ современной им живописи и поэзии. Да это и не входило в их задачи. Они видят и весело изобличают в «новаторах», кичащихся своей «непонятностью», самых обычных шарлатанов. Здоровым демократизмом, простотой художественных вкусов Аверченко не мог быть непонятен массовому читателю.

Призывая к самоусовершенствованию, самопроверке и самокритике, Н. Бердяев писал: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т. е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы» [4, с. 54].

В ходе исследования индивидуальных представлений Аверченко об искусстве как жизнетворчестве и путей и способов их выражения в его сатирических рассказах мы пришли к следующим выводам.

В художественных поисках, осуществленных в малой эпической прозе писателя-эмигранта, раскрывается его тяготение к созидательно-практическому типу мироотноше-

ния, актуализированному эпохой практического жизнетворчества и выраженному в призывах М. Горького к созданию искусства, высвобождающего в человеке энергию преодоления невротических комплексов и последующего преобразования своего «я», нацеленного на самооздоровление, гармонизацию отношений человека с миром, победу над жизнью.

Аверченко осуществляет диалог с традициями реализма, и, отталкиваясь от них, предлагает свои способы жизнетворчества, востребованные эпохой в новых исторических условиях. Огромную роль в создании действенной формы Аверченко отводит стихии слова. Его слог лишен литературной красоты, так как витиеватость и избыточная метафоричность могла поглотить «истину и правду мыслей», которая ценилась в античной эстетике как необходимое условие воспитательного произведения.

В ходе исследования аверченковского концепта жизнетворческого искусства мы определили следующие типологические признаки эволюционирующего художественного сознания, ориентированного на практику жизни и новое искусство:

- устремленность к максимально полному творческому освоению мира с целью его преобразования;

- подчеркнутый диалогизм (установка на коммуникативность, поддержание связи «писатель-читатель», четкая ориентировка на адресата). Текст, таким образом, получает развитие и продолжение вовне, в реальной жизни; кроме того, в ткань повествования автор вводит чужие голоса: письма читателей, предвосхищаемое недовольство критиков, вопросы и замечания гипотетических собеседников, что также подчеркивает диалогическую направленность сатирических текстов. Установка на общение у Аверченко служит задаче более ясного осмысления внутренних преобразований и призвана развить в читателе способность к самоисследованию и творчеству «внутри себя» и «вокруг себя»;

- искренность, желание «творить от первого лица», исповедальность, иногда тяготеющая к публицистичности;

- тенденция к синтезу; Аверченко моделирует тип отношений документа (жизни) и произведения искусства, который носит взаимообогащающий характер; с одной стороны, линия жизни героя переводится в художественный план: «мертвая ткань» одухотворяется искусством; с другой – благодаря охвату многомерного жизненного материала и «назидательной» направленности книг, искусство в данном случае совершает прорыв не к повседневности, а к *качественно иному уровню жизни – бытию, построенному по законам гармонии и разума.*

Подытожим также, что поэтико-стилевой доминантой аверченковских произведений на тему искусства являются следующие положения: отход от литературной условности, демократический, ориентированный на читателя – «практика жизни» стиль письма, искренняя тональность повествования, достоверность изложенного материала, публицистичность, открытое выражение автором своей творческой позиции, призыв читателя к активному действию. В концепции жизнетворческого искусства Аверченко проявляются принципы гармонии и соразмерности, стремление к освоению грядущего и жизнеприятие.

Каждое аверченковское сатирическое произведение отражает этапы его эволюции к искусству с практической направленностью. В них возникает образ *художника-исследователя*, активного деятеля, который осуществляет научно-творческий эксперимент над самим собой, чтобы преобразить собственную личность и, получив конкретные результаты, превратить в «практиков жизни» своих читателей.

Таким образом, рассмотренные нами разножанровые сатирические рассказы Аверченко о творчестве жизни, участвующие в диалоге с различными традициями, связанными с поиском путей преобразования действительности, переосмысления действенной роли искусства в жизни человека, обращены к самым насущным проблемам современной автору послеоктябрьской эпохи и не утрачивают своего значения и в наши дни.

Сделанные в статье выводы помогают выделить новый аспект в изучении аверченковского творчества – освоение писателем здорового мироощущения через создание жанровых модификаций сатиры, позитивистский взгляд на литературу, искусство, который утверждал еще М. Горький, и символистскую традицию поиска нравственно-эстетической согласованности в творчестве.

Список использованных источников

1. Аверченко А.Т. Памфлеты и фельетоны / А. Аверченко. – М.: Республика, 1998. – 340 с.
2. Аверченко А.Т. Избранные рассказы / А.Т. Аверченко. – М.: Сов. Россия, 1985. – 352 с.
3. Аверченко А.Т. Рассказы / А.Т. Аверченко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 448 с.
4. Бердяев Н. Я, одиночество и общество / Н. Бердяев // Я и мир объектов. – М.: Наука, 1938. – С.165–231.
5. Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. / М. Горький. – Т. 17. – М.: ГИХЛ, 1952. – 496 с.
6. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / М. Горький // Рассказы. – М.: Современник, 1991. – 128 с.
7. Горький М. Беседы о ремесле // М. Горький. – Собр. соч.: в 30-ти т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 25. – 354 с.
8. Дефье О.В. Проза М. Горького о художнике и искусстве / О. Дефье. – М.: Прометей, 1996. – 121 с.
9. Долгов А. Великий комбинатор и его предшественники: Заметка о прозе А. Аверченко / А. Долгов // Литературная учеба. – 1980. – № 3. – С. 15–23.
10. Зинин С. Литература XX века. Учебник для 11 класса / С. Зинин. – М.: Просвещение, 2010. – 321 с.
11. Евстигнеева Л.А. После революционной бури / Л.А. Евстигнеева // Русская сатирическая литература начала XX века. – М.: Наука, 1977. – С. 88–199.
12. Левицкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко / Д.А. Левицкий. – М.: Русский путь, 1999. – 552 с.
13. Михайлов О.Н. Страницы русского реализма. (Заметки о русской литературе XX века) / О.Н. Михайлов. – М.: Современник, 1982. – 342 с.
14. Никоненко С. «Талант надо поощрять...» / С. Никоненко // Вопросы литературы. – 1989. – № 11. – С. 257–258.
15. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
16. Сейтаблаева Э. Метафорическое моделирование в художественном тексте: модели нарративной субстанции «революция» в идиостиле А. Аверченко / Э. Сейтаблаева // Русская филология. Вестник Харьковского педуниверситета им. Г. Сковороды. – 2011. – № 1–2 (44). – С. 31–34.
17. Чапек К. Двенадцать приемов литературной полемики, или Пособие по газетным дискуссам / К. Чапек. – Прага: [б. и.], 1928. – 183 с.
18. Янушкевич А.С. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя в контексте русской литературы 1920–1930-х годов / А.С. Янушкевич // Поэтика русской литературы. – М.: РГГУ, 2001. – С. 193–210.

Досліджуються художні і конструктивні прийоми організації сатиричного прозового тексту Аркадія Аверченка. Аналізуються його індивідуальні уявлення про мистецтво як життєтворчість, визначаються шляхи і способи їх вираження в аверченківській сатирі, виявляється новаторство і специфіка образного втілення життєтворчого мистецтва у різножанровому спадку російського письменника-емігранта.

Ключові слова: конструкт, сатира, мистецтво, прозовий текст, життєтворчий, інтерпретація, новаторство, принципи.

Artistic and constructive methods of the organization of Arkady Averchenko's satirical prosaic text are investigated. Its individual ideas of art as a vital and creative are analyzed, ways of their expression in Averchenko's satire are defined, the innovation and specifics of a figurative embodiment of a vital and creative art in different genres of the heritage of the Russian writer emigrant are revealed.

Key words: construct, satire, art, prosaic text, vital and creative, interpretation, innovation, principles.

Одержано 14.05.2014.